

Сарбан
Звук
его рота

АЗБУКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

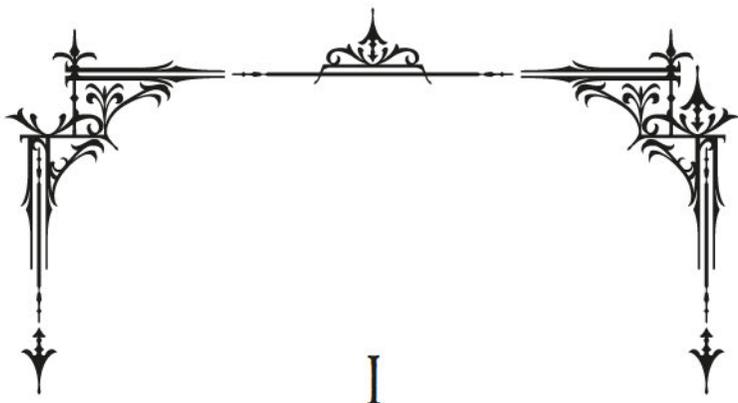
УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 20

Sarban
THE SOUND OF HIS HORN
Copyright © Sarban, 1952
CALMAHAIN
Copyright © Sarban, 1951
A HOUSE OF CALL
Copyright © Sarban, 1953
CAPRA
Copyright © Sarban, 1951
THE SEA-THINGS
Copyright © Sarban, 2002
THE KHAN
Copyright © Sarban, 1951
NUMBER FOURTEEN
Copyright © Sarban, 2000
A CHRISTMAS STORY
Copyright © Sarban, 1951
All rights reserved

Перевод с английского
Дарьи Кальницкой, Галины Моисеевой, Наталии Роговской,
Екатерины Романовой, Надежды Сечкиной
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-28982-6

© Д. С. Кальницкая, перевод, 2026
© Г. В. Моисеева, перевод, 1992, 2026
© Н. С. Сечкина, перевод, 2026
© Н. Ф. Роговская, перевод, 2026
© Е. И. Романова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

— Ужас — вот что действительно невыразимо.

Все мы посмотрели на Алана Квердилиона. Он впервые включился в спор — пожалуй, и заговорил-то в первый раз за то время, что прошло после обеда. А до этого он попросту молча курил трубку и переводил взгляд с одного говорившего на другого, и в этом взгляде можно было прочесть мягкое удивление, столь свойственное ему в последнее время. Выражение его лица напоминало мне не столько невинного ребенка, сколько наивного дикаря, которому странное звучание вашего голоса мешает постичь смысл ваших слов. После того как в течение трех дней я ловил этот взгляд, мне стало понятно, что же все-таки имела в виду его мать, когда, беседуя со мной наедине, грустно проговорила, что в 1945 году Алан вышел из заключения, но вернулся домой «не весь целиком и полностью».

Я не видел Алана почти десять лет, с того самого дня в 1939 году, когда он, лейтенант добровольческого резерва ВМС Великобритании, отправился на свой корабль. Наверное, мы слишком легко соглашаемся с тем,

что прошедшая суровая война и само по себе течение времени не могут не сказаться на характере человека. Позднее меня самого удивляло, почему перемены, произошедшие с Аланом, так мало встревожили меня поначалу. И даже превращение жизнерадостного, уверенного в себе, веселого и энергичного молодца, так отважно сражавшегося на спортивных площадках, в молчаливое, пассивное, всегда удивленное чем-то существо было для меня не чем иным, как выражением общего уныния и увядания, охватившего весь мир, а также частью того процесса утраты могущества и духовной силы, который Англия, казалось бы, переживала после 1939 года. Забыть, что когда-то раньше Алан был другом, оказалось так легко.

Но легко лишь в первые три дня моего пребывания в Торсвее — пока мать Алана не заговорила со мной об этом. Тихим и грустным голосом она спросила, что же произошло с Аланом, и тем заставила меня признаться самому себе в том, что он изменился. Она, верно, надеялась, что я, лучший друг ее сына на протяжении всех лет учебы в школе и университете, подберу ключ к загадке и выкуплю из плена ту часть его сознания, которая томилась где-то взаперти. Вот как она сформулировала это:

— «Они» вернули его тело, можно сказать, что вернули и голос, и ровно столько мозгов, чтобы вести хозяйство на маленькой ферме, которую он унаследовал от отца, но все остальное они оставили себе. Что они сделали с ним? А может быть, надо спросить, что он сам сделал с собой за эти четыре года в лагере для военнопленных?

Я довольно неуклюже попытался уклониться от той роли психиатра-любителя, к которой подталкива-

ла меня ее доверительность. Пробормотав что-то банальное насчет влияния войны и монотонности житья-бытья в заключении — набор общих мест, почерпнутых мной из многочисленных бесед с бывшими военнопленными, — я добавил (наверное, это было немилосердно по отношению к ней), что Алан стал на десять лет старше: нельзя же было рассчитывать, что он навсегда останется ребенком.

Она покачала головой:

— Нет, причину надо искать в чем-то личном. Но я больше волнуюсь, что же будет с Элизабет.

Мне ничего не оставалось, как попытаться убедить ее в том, что я не заметил в Алане серьезных перемен, хотя в голосе моем не было абсолютной уверенности.

Безусловно, все, кто находились в этот зимний вечер в гостиной, считали пассивность Алана, его рассеянность чем-то само собой разумеющимся, а ведь все они хорошо знали его и до войны. Мне кажется, они не больше меня ожидали, что он заговорит.

В первую очередь здесь надо назвать супругов Хедли и их дочь Элизабет. Майор Хедли издавна жил по соседству с Квердилионами, а сейчас, уйдя в отставку, фермерствовал в Торсвее, как и Алан. Кроме того, здесь был Фрэнк Роуэн, двоюродный брат Алана, преподаватель экономики в каком-то северном университете. Как и я, он приехал сюда на каникулы. Эти двое хорошо знали Алана с самого раннего детства. Если они и думали, что с ним что-то неладно, со мной об этом не делились: как будто для них он простой, добродушный парень, из тех, кто сдвинет с места заглохший трактор, починит неисправный мотор, с поразительной ловкостью вскарабкается на крышу амбара или перемахнет

через воротца. Но им никогда не придет в голову, что такой парень сможет сказать свое слово в том споре, который мы вели вечером после ужина.

И все же мать его была права. Этот наш спор продемонстрировал мне ту перемену, которая в нем произошла. Сам он не был охотником на лис, но ему это нравилось, как нравились любые упражнения в физической силе и мастерстве. В довоенные дни он всегда жертвовал деньги на охоту в Сексби, неподалеку от которого находился и Торсвей, и если сам он и не охотился, то лишь потому, что всегда был скорее бегуном, чем наездником. В Кембридже он прославился как бегун по пересеченной местности, да и вообще был разносторонним спортсменом, но только не наездником. Я считал его потомком йоменов, а не сквайров, принадлежащим к тому старинному племени линкольнширских фермеров, сердце которых радуется борзая, а не гончая собака, к тем, кто охотятся с ними на ветреных пустошах не верхом, а пешими. Деревенские виды спорта и развлечения были у него в крови. Если бы в прошлом Фрэнк начал критиковать охоту на лис, чем он и занимался в тот вечер, Алан был бы первым, кто бросился на ее защиту.

Но сегодня он промолчал целых полтора часа, пока другие с воодушевлением обсуждали эту тему. Фрэнк Роуэн весьма свирепо и с явным запозданием взялся отстаивать Билль против охоты на лис, совсем недавно отклоненный в палате общин, и был при этом остроумен, желчен, резок и, на мой взгляд, не очень-то вежлив по отношению к хозяйке и ее соседям, когда утверждал, что те, кто увлекается кровавыми видами спорта или даже просто одобряет их, явно недо-

развиты морально или интеллектуально. В майоре Хедли соединились скромность профессионального военного и хорошее знание предмета, то есть охоты, присущее ему как сельскому жителю; он оборонялся на своей собственной, хорошо знакомой ему территории и упорно сопротивлялся намерениям Фрэнка выманить его на открытое пространство, где Фрэнк со своим любимым оружием, философией и психологией, имел бы преимущество.

А вот с Элизабет Хедли дело обстояло по-другому. И было очень странно, что Алан не сделал и попытки сказать хоть несколько слов в ее поддержку или помочь ей выпутаться из клубка противоречий и непоследовательностей, в который затянул ее своей злой диалектикой Фрэнк. Ее пыл сумел бы воспламенить и человека, куда менее склонного поддаваться чарам энергичной молодой девушки, чем тот Алан, которого мы знали раньше. Сейчас же казалось, что он просто сбит с толку или же, как один-два раза почудилось мне, встревожен.

Милой и непосредственной Элизабет было двадцать два года. Она родилась и выросла в Торсвее и, когда ей было одиннадцать-двенадцать лет, перед войной, принадлежала к числу преданных поклонников и постоянных спутников Алана. Лошади были ее страстью всю жизнь, и, когда в эти три дня мне несколько раз довелось побеседовать с ней, она говорила только об охоте, о выставках лошадей, о заседаниях клуба любителей пони, о том, как воспитать щенков английской партой гончей. Если уж кого и могла огорчить перемена, произошедшая с Аланом, так это ее. И тем не менее она согласилась выйти за него замуж вскоре после того,

как он вернулся из плена, и никто, кроме миссис Квердилион, не высказал ни малейшего намека на то, что между ними не все было гладко. В отношении Элизабет к Алану, на мой взгляд, не было и тени жалости или покровительственности: ничего похожего на заботливость, которую добросердечная девушка могла бы проявить к нему, если бы он вернулся домой с войны калекой или слепым.

Они были помолвлены, но не знаю, объявлялось ли об их помолвке. Я считал ее чем-то само собой разумеющимся из-за тех разговоров, которые мистер и миссис Хедли и мать Алана вели об этой паре. Правда, меня немного удивляло, почему они тянут со свадьбой так долго, хотя, когда Алан вернулся домой, Элизабет было всего восемнадцать лет, и, конечно же, ее родители решили подождать; но мне казалось, что не было никаких причин откладывать свадьбу и дальше, и я не понимал, почему они не поженились еще в прошлом году.

И вот, наблюдая за Элизабет во время жаркого спора об охоте на лис и заметив скрытую тревогу в том взгляде, который бросил на нее бедняга Алан, когда она с великолепным негодованием дала отпор наскокам Фрэнка, я отдал должное матери Алана, потому что она попала в самую точку. Алан растерял свою храбрость; его мужественность исчезла или спала крепким сном; что-то заставило его так сильно измениться, что живость этой девушки, ее молодость, пылкость и красота устрашали его. Он попросту боялся ее, и я понял, что, хотя другие и считали их помолвку чем-то само собой разумеющимся, ни он, ни она об этом не подозревали, потому что у него не хватило духу просить ее

руки. Его мать понимала, что он потеряет ее, если не придет в себя, и я почувствовал, что разделяю ее тревогу. Они так подходили друг другу; в Элизабет Алан нашел бы то, в чем так нуждался сам: оживляющее и вдохновляющее начало. Я отказывался верить, будто Алан изменился настолько, чтобы остаться равнодушным к ее физической красоте. Было необходимо, чтобы старый друг открыл ему глаза на тот риск, которому он подвергался из-за своей новоприобретенной застенчивости и неуверенности в себе, могущими бы взять верх над его истинными желаниями. И прежде чем наш спор подошел к концу, я принял на себя ту роль, которую предназначала мне миссис Квердилион.

Спор закончился совершенно неожиданно. Я уверен, что Фрэнк упорствовал скорее ради забавы, ради того, чтобы спровоцировать Элизабет, а не потому, что имел серьезные доводы против охоты на лис. Их пикировка, как я уже говорил, стала чересчур оживленной и, с моей точки зрения, почти оскорбительной для обеих сторон, хотя я считаю, что они знали друг друга достаточно хорошо для того, чтобы перебрасываться словесными ударами, не обижая друг друга. И все же спустя некоторое время Фрэнк начал отступать, и спор постепенно превратился в добродушное, невинное подшучивание, пока наконец он не произнес:

— В конце концов, никто не сказал об охоте на лис лучше Оскара Уайльда: «Невыразимое в погоне за несъедобным»¹.

---

¹ Из пьесы «Женщина, не стоящая внимания» (1893), действие первое. В переводе Н. Дарузес: «Английский помещик, во весь опор скачущий за лисицей, — бесшабашный в погоне за несъедобной».

И тогда Алан вынул трубку изо рта и проговорил тихим прозаическим тоном:

— Ужас — вот что действительно невыразимо.

Совершенная неуместность этого замечания и резкость перехода к серьезной тональности поразили нас так же, как и то, что Алан вообще принял участие в разговоре. Фрэнк и майор казались озадаченными, а Элизабет, бросив на Алана непонимающий взгляд, произнесла отрывисто, с едва заметной нотой враждебности в голосе:

— Ужас? Какой ужас?

Алан наклонился вперед и, сжав трубку в руках, неодобрительно поглядывал на кошку, мирно свернувшуюся калачиком на коврике перед камином. Он не находил нужных слов, чтобы объяснить, что же он имел в виду, и мы, трое взрослых мужчин, ждали, слишком явно демонстрируя снисходительность и терпимость по отношению к его немоте. Майор, преодолев свое первоначальное смущение и удивление, улыбался ободряюще, как улыбаются ребенку, который никак не может начать декламировать стихи.

— Я имею в виду, — проговорил наконец Алан, все еще не отводя глаз от кошки, — я имею в виду страх, который испытывает тот, на кого охотятся: его невозможно описать, его попросту нельзя выразить словами. С людьми-то проще...

Элизабет подняла брови, глаза ее округлились, все лицо говорило о вызове и протесте. Я даже ждал, что сейчас она выкрикнет: «Чушь!» — и выпалит те же самые страстные аргументы, с которыми уже с десятков раз за этот вечер нападала на Фрэнка Роузена: что-де насильственная смерть — это естественный конец для

всех диких животных, что это самый милосердный конец, что у животных нет воображения, способного нарисовать ужасную картину смерти до ее прихода, — словом, все те знакомые доводы, изрекаемые охотниками на лис, которые достаточно опрометчиво защищают эту забаву, пытаясь выставить лису своим свидетелем защиты. Я был уверен, что все эти возражения сейчас изольются на Алана, ибо ее лицо по-детски прямолинейно выражало то, что было у нее на душе, но прежде чем эти слова сорвались с ее уст, мысли ее внезапно и совершенно явно свернули в другое русло. И что поразило меня, в абсолютно незнакомое русло. На ее лице уже нельзя было прочесть готовности к отпору, она пристально вглядывалась в Алана, чья поза, казалось, говорила о тревоге и беспокойстве, когда он, отвернувшись от Элизабет, склонился вперед, и мне почудилось, что в ее широко раскрытых глазах появился некий всепоглощающий интерес, который мог быть от природы присущ кошке, сидевшей между ними. В тот момент невозможно было сказать, какое открытие она сделала, какую новую картину действительности приоткрыли ей его слова. Я мог только догадываться о том, что охота на лис перестала быть предметом спора, им стал для нее сам Алан; она почувствовала, что страх, о котором он говорил, неким странным образом относится к ней самой, и это новое инстинктивное ощущение заставило ее быть бдительнее и следить за тем, чтобы никто не сумел прочесть, что происходит у нее в душе. Она ждала, что Алану ответит кто-нибудь из нас.

Но миссис Хедли начала прощаться с нами, собираясь уходить. Алан поднялся и молча вышел, чтобы

прибавить света в прихожей, а после того как мы проводили гостей, взял фонарь и вышел за чем-то во двор.

Миссис Квердилион вскоре простилась с нами, пожелав спокойной ночи, а Фрэнк, продолжая смеяться и шутить, довольный своей победой в споре и забавным, хотя и странным вмешательством Алана в разговор, отправился спать. У меня не было привычки так рано ложиться, поэтому я налил себе пива, выключил свет в гостиной и расшевелил огонь в камине.

Кошка вспрыгнула на подлокотник моего кресла и, подобрав под себя лапки, устроилась рядом со мной смотреть на догорающее пламя.

Звук шагов и холодный сквозняк пробудили меня, но не от дремы, а от долгой череды воспоминаний, которые следовали друг за другом так же непроизвольно, как картины сновидений. Алан вернулся. Я слышал, как он, стараясь не шуметь, закрывает на засов входную дверь. Я встал, чтобы зажечь свет, но налетел на него в дверях гостиной. Он начал хватать воздух ртом и вцепился в меня, потом, когда я заговорил, засмеялся с облегчением и отпустил меня.

— Я совсем забыл о кошке, — сказал он. — Она здесь? Я думал, все уже легли спать.

Его голос звучал неуверенно. Включив свет, я с ужасом увидел, что его лицо совершенно побелело от страха. Исполненный раскаяния, я извинился за то, что сидел в темноте и невольно напугал его. Он был явно смущен и, пробормотав, что мне не следует беспокоиться, подошел к камину, делая вид, что ищет кошку, но движения его были нервными и резкими; слишком долго он оправлялся от пережитого испуга.

Почувствовав, что должен сказать что-нибудь, дабы разрядить атмосферу, я не нашел ничего лучшего, как вернуться к теме нашего вечернего разговора.

— Не удивлюсь, если сегодня вечером Элизабет впервые в жизни пришло в голову, что есть какая-то правота в словах тех, кто с гуманных позиций выступает против охоты. Конечно, на нее подействовало то, что ты сказал. Или то, как ты это сказал. Мне показалось, ты заставил ее задуматься.

Он резко повернулся ко мне:

— Она всю свою жизнь охотилась. Разве для нее может иметь какое-то значение то, что я сказал?

Мне стало яснее ясного, что они не впервые спорили об этом — и достаточно ожесточенно спорили. Я догадывался, что они повздорили, и какой бы пустячной ни казалась мне разница во мнениях по этому вопросу у двух влюбленных, я понимал, что для них это важно — если относиться к охоте всерьез. Но с чего вдруг Алану стало не нравиться то, что она охотится?

— Ну не знаю, — ответил я. — Я было подумал, что твое мнение что-нибудь да значит. Во всяком случае, побольше, чем мнение Фрэнка. А ведь были времена, когда каждое твое слово было для нее истиной в последней инстанции.

Он нагнулся и положил еще одно бревнышко в огонь, как будто бы совершенно забыв, что собирается ложиться спать. Потом еще несколько минут стоял, ссутулившись, молча наблюдая за тем, как бревно начинает тлеть и дымиться. Наконец, не глядя на меня, он произнес сдержанным тоном:

— Моя мать разговаривала с тобой обо мне и Элизабет, да?

— М-м-м... О тебе? — проговорил я. — Она немного обеспокоена. Мне кажется, она считает, у тебя что-то на уме. Лично я не вижу в тебе никакой перемены, если не считать того, что иногда тебя подводит твой язык, и если ты не против того, что я тебе это говорю, — твои нервы не в самом хорошем состоянии. Мне думается, ты не в лучшей форме, а живя в деревне, давно должен был прийти в себя. Скажи, ведь не бутылка же тому виной, а?

Он засмеялся.

— Все эти три дня, что ты живешь здесь, я думал о том, что мы с тобой все те же ребята, что и раньше. Хорошо, что ты приехал, — мне это пошло на пользу. Теперь я знаю, что, в общем-то, не изменился.

— Ну конечно, — сказал я, — характер человека, его привязанности должны оставаться неизменными, но безнадежен тот, чье поведение и чьи оценки не меняются под влиянием пережитого. Ты прошел через шесть лет войны и плена. Я очень хорошо понимаю, что взгляды человека после всего этого могут измениться.

— Да, — сказал он, — ты бы понял. Или, во всяком случае, тебе было бы интересно. Слушай! — Он резко выпрямился и повернулся ко мне. — Ты ведь не устал, а? Не против, если я тебе кое-что расскажу? Дай-ка я наполню твой стакан, садись, и я поведаю тебе одну историю.

Он налил нам обоим пива и выключил свет, а потом пошевелил угли в камине, пока в нем не разгорелся яркий огонь.

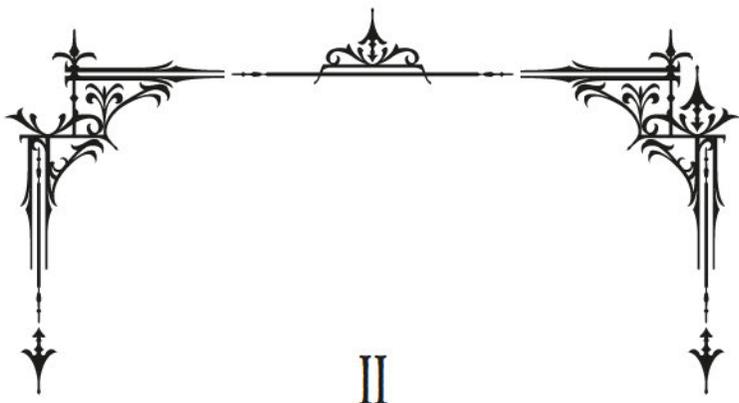
— Пожалуй, мне легче будет разговаривать с тобой вот так, при свете огня в камине, — сказал он, усажи-

ваясь в кресле напротив меня, — и если тебе станет скучно, ты можешь спокойно заснуть, а я и не замечу.

Мы набили трубки, и я стал ждать.

— Я никому об этом не рассказывал, — начал он. — Ни матери, ни Элизабет. И прежде чем начну рассказывать тебе об этом, хочу подчеркнуть, что это всего лишь история, понимаешь? Надеюсь, она тебя развлечет и позабавит. Я не прошу тебя слушать внимательно, чтобы ответить потом на вопрос, что же со мной случилось. Я и сам прекрасно знаю, что со мной случилось, и с этим уже ничего не поделаешь. Надо лишь подождать и узнать, случится ли это еще раз. За последние три года это состояние ни разу не вернулось; если пройдет еще год и это не повторится, я решу, что все прошло и смогу смело просить Элизабет выйти за меня замуж, и все будет хорошо. Она сможет скакать по лесу со своими гончими, и я не буду ссориться с ней по этому поводу — по крайней мере до тех пор, пока она сама не захочет этого. А она не захочет.

«Нет, достопочтенный Фест, я не безумствую»¹. Нет. Но я был безумен. Не просто неуравновешен или чудаковат, а совершенно спятил, вчистую. Уверен, что психиатры поставили бы диагноз не колеблясь. Но сейчас у меня все в порядке. Честное слово, в порядке; ну, я так думаю. Но только, понимаешь, после того как однажды так внезапно переключил передачу, я теперь знаю, как легко и быстро это может произойти, и иногда что-то неожиданное пугает меня на миг — до тех пор, пока не возвращается уверенность в том, что я все еще нахожусь, так сказать, по эту сторону стены.

Для военнопленного в лагере сойти с ума — дело, конечно, нередкое. Такое может произойти с кем угодно, и вовсе не обязательно с теми, у кого нервы напряжены до предела или на чьей душе скопилось больше всего мучений и тревог. Видел я таких бедолаг и рань-

---

¹ Ср.: «Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия. Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла» (Деян. 26: 24–25).

ше, до того, как это случилось со мной. Мне кажется, я знаю, почему на них такая печать безразличия ко всему на свете. Они просто-напросто не ведают, что творится в этом мире, пока так заняты миром другим. И пойми, чувствуешь ты себя при этом потрясающе нормальным. Я уверен (во всяком случае, что касается меня самого), что был вдвое активнее в интеллектуальном плане и вдвое чувствительнее к происходящему, когда спятил, чем когда уже пришел в себя и снова оказался в клетке.

Я был рад тому, что меня посадили в другую клетку. Никто в ней не знал, что однажды я слетел с катушек, а когда нас выпустили, психиатры поставили мне диагноз «абсолютно нормален». Само собой разумеется, они не слышали того, что я рассказываю тебе сейчас.

Наш корабль разбомбили пикировщики, и он затонул у берегов Крита в 1941 году, после чего я два года просидел в лагере в Восточной Германии — он назывался Офлаг XXIX Z. Этот маленький лагерный мир постепенно становился для меня все более привычным. Ну что тебе рассказывать: колючая проволока, на скорую руку построенные бараки, зимой слишком холодно, летом слишком жарко, грязные умывалки, вонючие уборные, легкая песчаная почва, черный сосновый лес вдали и громилы-охранники на сторожевых вышках. И все те маленькие хитрости, уловки и изобретения, которые казались нам такими важными, — нет, они и были важными в том мире, который уменьшился для нас до размеров концлагеря.

Я льстил себя надеждой, что переносу превратности лагерной жизни намного легче остальных узников. По правде говоря, я нигде не чувствую себя по настоящему несчастным, если только мне удастся при-

думать, чем занять руки, и даже удивительно, каким трудягой-мастеровым можно стать в подобных обстоятельствах, если имеешь к этому склонность. Честное слово, я горжусь кое-какими безделицами, которые соорудил из старых жестянок. Но я и свой ум заставлял трудиться — собирался восстановить греческий. Наверное, разумнее было бы учить немецкий, но, думаю, греческий нравился мне тем, что казался таким свежим и ясным и, главное, не имел ничего общего с лагерем.

Я говорю об этом только затем, чтобы ты понял: я был довольно-таки бодрым военнопленным. Конечно, скучал по физической нагрузке, которой мне не хватало, но если учесть, что мы сидели на голодной диете, надо признать, гимнастика, занятия которой мы наладили в лагере, позволяла чувствовать себя довольно сносно. И еще. У меня не было семейных проблем. Я получал письма от матери и от Элизабет так же регулярно, как все остальные от своих родных, и пока с ними было все в порядке, мне больше не о чем было беспокоиться. Да, конечно, скажешь ты, но само по себе вынужденное общение лишь с представителями одного мужского пола — это большое лишение, способное вызвать душевные расстройства... Ну, не знаю... я ничем в этом смысле не отличался от других; конечно, на ум приходили разные мысли об удовольствиях, но думаю, что относиться к их отсутствию философски можно в том случае, если ты сполна испробовал их, прежде чем попал в этот мешок. Мальчишки мучились от этого больше всего, но не парни моего возраста.

Нет, глядя назад и рассуждая честно и объективно (а лагерь хорошее место для того, чтобы измерить отклонения от нормы), я бы сказал, что уж я-то должен

Сарбан

С 20 Звук его рога : роман, повести, рассказы / Сарбан ; пер. с англ. Д. Кальницкой, Г. Моисеевой, Н. Роговской и др. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 544 с. : ил. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-28982-6

1943 год, английский офицер Алан Квердилион бежит из фашистского концлагеря. Заплутав среди бескрайних лесов Восточной Германии, он переносится в странный мир, параллельную реальность, где снова оказывается в плену. На этот раз — в обширном поместье, которым владеет загадочный, жуткий граф, главный лесничий рейха, известный своей страстью охотиться при свете луны. Вот только охотится он не с помощью собак, а преследует совсем не животных...

Роман «Звук его рога», один из эталонов литературы ужасов, вошел в сотню лучших книг жанра («Noggo: 100 Best Books» по версии Кима Ньюмана и Стивена Джонса). Его автор — английский писатель и дипломат Джон Уильям Уолл, оставшийся в золотом фонде «темной» прозы под псевдонимом Сарбан. Благодаря изящному стилю письма и мифологичности образов Сарбана часто сравнивают с Говардом Филлипсом Лавкрафтом и Хорхе Луисом Борхесом, Артуром Мейченом и Уолтером де ла Маром. Впрочем, этот писатель обладает своим, уникальным голосом и давно занимает почетное место на мировом литературном олимпе, хотя в России почти неизвестен. Настоящий том призван исправить это досадное недоразумение.

В сборник вошли разнообразные произведения Сарбана: «Звук его рога», «Морские создания», «Дом у дороги», «Кальмахан» и другие, в которых, по словам писателя Кингсли Эмиса, «сочетаются грезы и ночные кошмары», а законы природы уступают место причудливому хаосу воображения...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

САРБАН
ЗВУК ЕГО РОГА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций
Дмитрия Кабакова и Екатерины Мишиной
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Гузель Зайдуллина, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 20.01.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 33,32. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ABB-38097-01-R